

ПИСЬМА. О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 1-е

О событіи на Кодакѣ.

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше «Объясненіе», напечатанное въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — общанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше о немъ «Объясненіе», ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

»Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спро-

силъ окружавшихъ козаковъ: »каковъ кажется вамъ Кодакъ?« Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: »что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается.« Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвали и его въ участіи (I. 58).«

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боилана; въ »Описаніи Украины«, онъ говоритъ: »На Кодакъ, въ *іюль* 1635 года, былъ заложенъ мною замокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августъ* мѣсяцъ, нѣкто *Солманъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ Француза...« За тѣмъ, Боиланъ рассказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: »По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.« Дѣло ясное, что это было въ 1639 году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: »*Manu facta (inquit) manu destrui! Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiae facinus incubuit, Kodaco evertendo.* (I. 21)« Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были 1639 года, такъ и въ

томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запорожье на Поляковъ.

Нашъ украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою «Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани» и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: «Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману каронному Конецпольскому въ Кодаку саму быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкушъ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что естъ рукою сотворенно, что бы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкушъ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во вѣсѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бѣше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31).»

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Острияцы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе Польскаго историка переложить въ голову самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что называется: *за однимъ заходомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ нарращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то: когда и какъ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе Польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: «Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли лядекія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрѣвъ ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никакого зла не мыслилъ, въ сердцу же его золь совѣтъ бѣше.» — Тутъ живописъ двухъ разнородныхъ стилей или пошибовъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго,

отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: »Лицо его, сіяющее и кроткое, (говорить польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернутому гнилою, болотную воду.« Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустили бы эту несоответственность; у него сказано такъ: »Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo præcipue, ut nitida glacie foetentes aquæ, recessus pectoris teguntur.« А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, все-го скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго Днѣпра*, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалкується лиманъ морю,
Що Днѣпръ рѣбить свою волю:
Своѣй гирла прѣчищає,
Лиманѣви закидає.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный Гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню)... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S. — Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Magazinѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обзорѣ источниковъ вашей книги »Богданъ Хмельницкій« не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* »Исторія о дѣйствіяхъ презвѣльной брани«. Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтописъ Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полиѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное о ней извѣстіе.

Въ вышепомянутой статьѣ моей, я высказалъ свое мнѣніе, что истори-

ческое *введеніе*, находящееся при «Лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицомъ, которымъ написано продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака ХVІІ-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковому старшинѣ, Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для Лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ Лѣтописи Самовидца. — Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе*.

30 ноября 1860.

ПИСЬМО 2-е

О воспитаніи Богдана Хмельницкаго.

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на 1646 годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: «Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣляли его въ Поляка, что случилось съ другими южно-руссами. Отъ езуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаясь и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46.)»

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію — своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ — онъ ширый Украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ езуитовъ, пріемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками рождаются такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа Украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южно-русска-

го человека должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополчиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтъ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ езуитовъ.

Многіе Южно-русссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерожались въ Поляковъ, вѣлѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣждений и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими езуитами, отъ брачныхъ связей съ Польшами, и т. п. Но это случилось преимущественно съ людьми изъ высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ Украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное дѣсятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками — изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа таковыхъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *тапирскаго* происхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переясловскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за что не любили его польскіе паны и полковники и комисарь, поставленные на Украинѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Острианицынской (1638 г.).

Посмотримъ, однакоже, — какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, король подарилъ ему участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіей; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ «Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго»; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богданово владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, на воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую свободу его Суботовъ, на что Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ под-

старосты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ, или генеральнымъ, писаремъ. А съ 1646 года, послѣ прїѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣжали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такіа бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь, и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-лѣтъ военную и депутатскую службу въ Реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе *Patres Societatis Jesu*, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искуству воина-политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-Русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ «осторожности и лучшаго воинскаго управленія».

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ козаччины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою-Церковью и позвалъ къ себѣ украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: «*Chmelnicus tum, post Corsunenses Cannas — Annibal*». Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника Польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ Русская пословица: чужая душа — потѣмки. Коховскій, какъ *Eques Polonus*, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской Республики и называя его *жестокимъ матереубійцею*; и не мудрено, если *внутренній человекъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ езуитскаго устройства; а навести протраву езуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что

молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ Езуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ Езуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южно-русскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума езуитекаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время ⁽¹⁾. Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-русскаго: это Лаврентій Зизаній-Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти (+ 1603 г.), прогнанный оттуда по просякамъ езуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ езуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ — *у отцовъ Езуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу сослаться съ вами называть Ярославскихъ езуитовъ — *воспитателями* Богдана: въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы езуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ езуитовъ и ихъ

⁽¹⁾ Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнь* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ *Остерскій* вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

коллегіумовъ. Поэтому, вліяніе Коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволенныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовала въ всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ езуитовъ только *скрытность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ езуитовъ крѣпкою и самобытною душою Украинца-Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, *скрытность* и въ большой степени, я призналъ бы ее за природное и доморощенное свойство его, и не отнесъ бы ее къ езуитамъ, потому что и безъ ихъ вліяніе — *скрытность* была присуще большинству Украинскаго народа, происходящую въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ же своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осёдланное* на Масловомъ-Ставу, послѣ войны Острияницинской ⁽¹⁾. Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, погранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: «извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66.).» Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на езуитскомъ двоедушіи и скрыт-

⁽¹⁾ У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: «ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo....»

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: «Na która to wojnę pobawomanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoły zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I. 52).»

ности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря.

ПИСЬМО 3-е

Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ.

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: »Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острияны, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю и видимая преданность Речи-Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе.«

Какъ-же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій »смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?« Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецпольскій и его товарищ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того вѣка. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрывъ бы онъ своего постоянного участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* »Войска его королевской милости Запорожскаго« и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): »не выписую тутъ праць и трудовъ моихъ для общего добра Короны Польской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ добре вѣдаешь, возможность ваша.«

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельниц-

кій сталъ участникомъ »во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ.« Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ-называвшейся *войсковою черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицомъ въ козацествѣ, что его примѣтили бы — не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно, былъ на глазахъ у старостокъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончаться всякій разъ только тѣмъ, что »на Хмельницкаго никто не могъ доказать.« Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ чигиринскій товарищ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Иркѣвцы выдали тогда кievскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ Замкомъ (на горѣ Киселѣвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переясловѣ и Нѣжинѣ переказали Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, избраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ Павлюка*?

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы съ Гунею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье зъ Запорожскимъ товариществомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переясловомъ, весною 1630 года ⁽¹⁾, и что это прошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ

⁽¹⁾ Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ 1628 году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ 1630 годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Острияницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятноже, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы приписано Хмельницкому уже впоследствии, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманое, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики » *ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret.* « Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ королѣ и при коронаціи Владислава; да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, произшедшее на сеймѣ прошлагоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ » возбуждалъ совѣтомъ и ободрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ. « Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возроставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгаралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костѣръ — дѣло напрасное; но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижники ихъ Сахно самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожескими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріателемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бѣ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ воз-

станій, не захотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

»За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!«

Послѣ того у васъ сказано: »Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ.« При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть ввиду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки Реестровое Козачество, раздружилъ его съ Товариствомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ тѣхъ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Силлы-Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолеваящихъ Поляковъ къ еще большому уничиженію народа Малоросійскаго. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была, для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ — походной, сторожевой, депутатской; но какъ было на самомъ дѣлѣ, о томъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ востаніяхъ — Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ — только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ, взводить на него эту преждевременную вину противъ Республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолин-

скій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — «самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрѣный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя Козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г., 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго «духъ бурный, склонный къ волненію» — не упустилъ бы онъ такого благоприятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *недругу отчизны Малороссійской*. . . . Полно. такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: «И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что на душѣ у него.»

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнородныхъ, и его козацкая душа осталось задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлюка, Острияницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницькій думає-гадає!

4 декабря.

ПИСЬМО 4-е

Въ конецъ характеристики Богдана.

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ розыскахъ Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожиданнѣмъ свѣтомъ всю его до-гетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня яснымъ кажется вотъ-что: служа около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣріи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — въ продолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины Козачества соединились въ прежнее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единомышленно, за цѣлость своей отчины Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двоедушіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ Республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *Козацкой-матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить то дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы въ продолженіе полулѣта.

«Встала обида въ силахъ Дажбожа внука.» И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ Польскимъ королемъ, на »защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею« — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ острову, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники-Поляки

заговорили такъ: »вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!« — или: »комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива!« а они еще и не предвидѣли, какъ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя его своимъ словомъ*, что не спадеть и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось то же, что въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщашася, но не исполниша«.

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: что въ немъ есть справедливаго, и что ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему »объясненію«, чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

М. Максимовичъ.

5 декабря 1860.

Михайлова-Гора.

(Продолженіе впрѣдь.)

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посўнсья, Лїше,—най Рўсинъ сїде.
Галицкая пословица.

*»На-віщо ви, Ляхї, принесли намъ
сі цїцькї?... Майте ви собі свою Поль-
щу, а нїмцї Україна нехай зостається.«*

Слова, сказанныя польскому послу, Киселю,
на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ послѣднемъ № »Современни-
ка« прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падалицы, какъ случай-
но попавшіеся намъ въ руки—256 №1860 г. газеты »Czas (Время)«
и 210 № (31 декабря) »Revue Contemporaine«—вызываютъ насъ вновь
на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'a извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги La Rus-
sie Rouge, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домога-
тельства на присоединеніе Червоной Руси къ Россіи на томъ основаніи,
что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »La Russie Rouge«,
да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько
намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas
касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣстнымъ сдѣ-
лать замѣчаніе. Она объясняетъ намъ, что »Русскіе не знаютъ, что
такое *Русь*; что Русь не есть Россія, а Польша, и что Россія—стра-
на не Славянская, а Русскіе сами не знаютъ, что они такое.« Выпи-
сываемъ слово-въ-слово эти выраженія подлинника, потому что въ точ-
ности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней
нелѣпости приведенной фразы: »autor zapomina, że Ruś nie jest Rosyą,—
że jest Polską, i że Rosyą nie jest Słowiańska, — nie wiedzą czem są i
czem jest Ruś.« Такого рода мнѣнія совѣстно опровергать, но нельзя
оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются—умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патріотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать послѣднее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложений. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Название: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Пековъ и Тверь и Полоцкъ, — всѣ онѣ были связаны одинаково сознаниемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественного устройства и институціею единого правительственного рода. Печальныя вѣшнія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Вѣшніе признаки ихъ связи порвались; внутренне — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.*« (Нѣтъ Руси. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія ⁽¹⁾:

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея

(1) Приводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 r.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

✓ древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руси!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напомниманіи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темныя призраки беспокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробъ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навъ* ⁽¹⁾ Руси долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновение — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но — написали *Любельскую Унію*, и доколотили ея лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь упыря-Павлюка ⁽²⁾ въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancją, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie, — grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upiór Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach!...

(1) Слово — *upiór* — бродячій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навъ*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(2) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Наливайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

»Говорятъ, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

»Говорятъ, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

»Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать... еслибъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растрavляется рана Польши; — — — —

»А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навъ Польши сходитъ съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ сѣр-
мягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый
видъ, — равенство и братство гласить предъ Европой, а потихоньку гово-
рить Русину: »Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то — я дамъ тебѣ почув-

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano unję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....
Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregiach;
Z krzyżem szyzmy w ręku — powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarazem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią, że już potem zczeszły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspomniano w sejmie jój imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....

Minęły te czasy, — wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Ruś-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *brate, ne wir Lяхu!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе, — оно не для шутки написано; взгляди добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Нѣтъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не позволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славнымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....

— — — — —
Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem

Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:

Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,

Ów drugi w siermiedze i ze łzami w oku.

Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,

Równość i braterstwo przed Europą głosi,

Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamiel!

Бądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«

A zaś ruski upior — służalec wiekowy —

Staje niby Lachem, i nachyla głowy;

Ale zeicha — zwykle jak sługa w przestrichu —

Szepece w duchu k' sobie: »Brate, ne wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,

Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.

Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,

I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,

A może nakoniec poznasz, że plakaty

Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty

Na ruinach Rusi dzwignęła się z nicości,

I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздастся русскій голосъ, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперь — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Во-лынъ, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ опоянченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть Русскихъ хлоповъ миллионовъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!»

Dziś tej Rusi niema, — tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
Zostaw ich na siolach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Książę Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał....
Niebezpiecznie wводить włóczęgów natrętnych
W katakomby Rusi do pamiątek świetnych;
Bowiem stać się może, że wśród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niema! i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polskie mędrcy piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
Wołyn, Ukraina — że to wszystko — Polska!..

A więc niema Rusi, bo jej niema w głowie
Dziennikarzy polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niema ruskiej mowy, — bo nawet jej zgłoski
Zamienia polskiemі hrabia Gołuchowski!..

Niema Rusi, niema! — z książek ją wymażcie, —
Choć jest ruskich chłopów milionów piętnaście!
Niema Rusi, niema! — choć jest i być musi
Przeciw rządowi Polski wieczny protest Rusi!..

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—*«напечатать его, — за что будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ»*, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальною Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на все иноплеменные усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что такое Русь и что они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что это значить. Не разъ думали унижить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что-либо унижительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національной гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсъ финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіей. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне, — хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ фамилій, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значить, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже фізіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами, — вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Нѣмечины. Уже въ IX вѣкѣ широкій бассейнъ Оки былъ заселенъ Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиновъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Пруско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по вѣтвѣ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣлствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятичей, слѣдуя въ своемъ разселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавріила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составила Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ большихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣтъ ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновеніе со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мирное слитіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что бы напоминало древнее иноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ физиологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы знаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпримчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазіи, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ Czas'a говоритъ: «исторія лучше означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія (uszlachetnienia), могло бы создать прекрасное и ядрѣное (jadrne) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.»

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: «исторія такъ означила». А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже исторія. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ такъ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что-нибудь строить на такомъ противорѣчій? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: «исторія такъ означила» только въ томъ случаѣ, еслибъ исторія указывала на какое либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависить его счастье. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господствующаго, поработительнаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ сельскаго рабства. А какъ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіею XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русскій элементъ показалъ признаки самобытной жизни. Что касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до скотоподобія положеніе простого народа, заколоченнаго панами, католиками и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудь сказала рецензенту въ пользу его «прекраснаго ядрёнаго тѣла.» — Последняя фраза Czás'a непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отраднo было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, сообразно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ни было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устраивать счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ *Revue Contemporaine*. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью «*La Poésie Oukraïnienne*.» Довольно намъ случалось читать нелѣпныхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать — *chef-d'œuvre* въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли гдѣ г. Saint-Vincent всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чѣмъ-нибудь словамъ, — но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочеталось самымъ нахальнымъ образомъ умышленное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то единство племенного происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собой тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. «Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшая надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Московитыне — народъ племени Уральскаго (1), а не Славянскаго, а потому не

(1) Dans un pamphlet russe récemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣють ничего общаго съ Русскимъ и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по правамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ, и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотять ложно доказывать религіозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ уніи съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'у) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.»

Авторъ очень мило сожалѣеть о потерѣ «такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародыши прогресса и развитія въ будущемъ⁽¹⁾», и какъ будто хочетъ убѣдить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью *Revue Contemporaine*, можно подумать, что Великоруссы—народъ уральскаго племени,—даже говорить языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя нелѣпности могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

confondre dans une même origine *Slave* les Russo—Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres— de race *Arienne*. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(1) Quant au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine.... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pôzarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *урализмѣ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоплеменности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1658 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казимира на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московіею, выражается: *in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque* (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не доходили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уни, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московіи, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь — Руссией, а сѣверную — Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *всѣя Руси*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ нелѣпостей ⁽¹⁾; но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

⁽¹⁾ Кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что «пѣкій Лехъ, по имени Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;» что «Запорожцы набирались между Поляками съ береговъ Вислы, или — что выходитъ на-одно — между Русинами съ Днѣпра и Днѣстра», и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брехнію свѣтъ прѣидеиъ, та назадъ не вѣрнесся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это оболъщенье не будетъ продолжительно. Пытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки скликалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впослѣдствіи никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И что вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будутъ ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или сѣверное племя, или — что всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чудскаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унижить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго человѣка нельзя унижить происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіянѣ должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Французы начали домогаться, чтобъ Нѣмцы себя называли Аллеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такія доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

женія легко писать изъ собственной фантазіи, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество польскаго и южнорускаго народа, будетъ уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читаетъ и любитъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ — не то. Богданъ Залѣскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочувствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлелѣянной историческими воспоминаніями и тѣсною связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патриотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣскаго, хотѣя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплотою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удается ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводитъ ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній, — великій творецъ и художникъ, — касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

событіе Залѣскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣетъ съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южноруса, но ужь никакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Страніе представить въ свѣтломъ видѣ такіа историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Уніа, которыя Южнорусамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе приемы поведутъ единственно къ тому, что древняя несчастная непріязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу, — чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаніе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и *уразумѣютъ историческую истину*: только *истина* содѣлаетъ ихъ *свободными*, — свободными отъ всякихъ искусственныхъ передѣлокъ и подѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былаго господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобицѣхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуляй-городинъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того — Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. Костомаровъ.

14 января, 1861 г.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нельзя не порадоваться, что художники *начали* обращаться къ *народной* жизни, которая болѣе знакома и болѣе близка, какъ имъ самимъ, такъ и публикѣ. Душевно радуемся этому пробужденію: тутъ пахнетъ весной, обновленіемъ! Молодая жизнь, могучая, полная силы, мало-помалу вытѣсняетъ бесплодное устарѣлое начало. — Или жизнь нашего художества только отголосокъ западнаго? Перевороты, совершившіеся въ художествѣ, быть можетъ, отозвались у насъ только эхомъ, дошли до насъ едва волнующимися кругами?

Такъ долго бывъ разъединено съ жизнію, оторвано отъ нея, художество начинаетъ сознавать свое болѣзненное состояніе и современныя требованія; оно прислушивается къ біенію общественнаго сердца, сочувствуетъ жизни, начинаетъ сплавляться въ одно тѣло съ обществомъ. Плоды такого направленія должны быть самые благотѣльные. Сливаясь съ жизнію народа, художество получить отъ него силу; слово художества станетъ живымъ для каждаго. Таланты, въ свою очередь, будутъ вдохновлять и поддерживать народную жизнь, напоминая народу высокія и прекрасныя явленія его духа. Были у насъ и прежде произведенія, взятія изъ жизни, но ихъ было такъ мало, и они появлялись такъ рѣдко, что, вслѣдъ за появленіемъ, забывались совершенно, подавляемыя страшною массою Плутоновъ, Кентавровъ и прочими, нелѣпыми, колосальными, произведеніями. — Какъже не радоваться, что живой интересъ вытѣсняетъ мертвечину, что искусство дѣлается выраженіемъ жизни? Какъ не радоваться, что и Академія, наконецъ, даетъ

право существовать подобнымъ произведеніямъ, и уже не клеймить ихъ презрѣніемъ, — хотя все еще не рѣшается сравнять въ правахъ съ живописью «исторической»? Что за названіе! что за преимущество этимъ мертвымъ произведеніямъ, этому ошибочному направленію? Будто изображеніе близкой намъ, дѣйствительной жизни не требуетъ рисунка тоньше и серьезнѣе? Будто презрѣнная, обиденная жизнь не составляетъ всего, не есть *исторія*, и будто исторія не была и не есть обиденная жизнь? Будто можно быть художникомъ исторіи народа, не зная его быта, его нравовъ, не изучивъ его пѣсенъ, понятій, желаній, словомъ — его обиденной жизни? Эта обиденная жизнь есть слѣдствіе прошедшаго, — она источникъ и сила будущаго.

Эта жизнь въ искусствѣ, начавшаяся такъ скромно, такъ убого, съ Венеціанова, со Штериберга, излилась желчью у Федотова — и затихла. Но въ этой тишинѣ она не остановилась. Отъ даннаго толчка начинается направленіе и оно растетъ годъ отъ году; камень, бывшій въ пренебреженіи, поставляется «во главу угла».

Послѣдняя выставка представила намъ 33 сюжета изъ народной велико-русской жизни и 4 — изъ жизни южно-русской. Кромѣ того, помѣщено много рисунковъ изъ народной жизни въ повременныхъ изданіяхъ. Правда, не всѣ они хороши, почти всѣ слабы и неинтересны; но это — *начало*, и мы радуемся тому, что искусство начинаетъ сочувствовать жизни; что, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, оно даже проникаетъ въ эту жизнь и служитъ ей съ любовью, съ пониманіемъ ея святыни.

Почему, однако, и искусство начинаетъ обращаться къ народу южно-русскому? Толчекъ ли это литературный, безотчетное ли влеченіе, сознательная ли потребность духа?...

Общество желаетъ, требуетъ искусства *народнаго*; академія хотя и съ болью въ сердцѣ, но разсается съ циклопами, вызываетъ молодежь на сюжеты изъ народной жизни; и вотъ художники, почти неприготовленные къ этому, пишутъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ, *народъ*, какъ писали Вулкана, Цирцею, портреты и иконы. Горе въ томъ, что молодежь еще движетъ не собственное сознаніе, не любовь или влеченіе, а чинъ, званіе, медаль, деньги! — Слѣдствіе этого то, что публика, подходя къ картинѣ съ біеніемъ сердца, отходитъ отъ нея равнодушная, или (еще хуже) выноситъ каррикатурное впечатлѣніе о жизни народа; болѣе-жъ робкіе заглушаютъ свое пробудившееся негодованіе несчастнымъ сознаніемъ своей мнимой ошибки, отказываясь отъ собственного впечатлѣнія, и покоряясь приговору Академіи,

какъ высшей инстанціи. Хотѣлось бы ихъ ободрить, убѣдить ихъ — не заглушать движеній своей души, по развивать его, сберегать впечатлѣнія, столь часто нѣжныя и вѣрныя, плодъ простой, наивной жизни. Чистосердечный взглядъ, личное непосредственное чувство, для насъ дороже и выше приговора академическаго, извѣстнаго намъ уже заранѣе, — какъ итогъ извѣстнаго образа мыслей.

Требованія академій образовались — 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не развивались, не сдѣлали шагу впередъ, и потому, конечно, не согласуются съ современными требованіями. Приговоръ «академій» однообразенъ, и не только не есть приговоръ непогрѣшимый, но, напротивъ, часто служить *похвалою*. Ссылаемся на здравый смыслъ, на исторію *всѣхъ* академій и на біографіи знаменитыхъ художниковъ. Всѣ «академисты» составляютъ одну формулу, — личности ихъ сгладились и не имѣютъ никакого разумнаго значенія въ исторіи художества.

Академіи, отчужденныя отъ движенія жизни, могутъ помогать развитію художества развѣ отрицательно. Замкнутость мертвитъ ихъ; правда ихъ годны только для бездарности.

Итакъ, пусть каждый разбираетъ самъ, и высказываетъ свои требованія; только тогда мы будемъ ближе и ближе къ правдѣ.

Недавнія измѣненія прежняго порядка, въ *нашей* академіи, возбуждаютъ въ насъ — не опасенія за дальнѣйшее движеніе художества въ Россіи, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а напротивъ — вѣру въ его развитіе. Академія сближается съ современными вопросами въ художествѣ, съ потребностью жизни, заявляетъ готовность идти впередъ.

Произведенія художества заключаютъ въ себѣ свою словесность: художники давно разрѣшаютъ вопросъ за вопросомъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ; они живутъ кипучею жизнью міра; а академіи отстали отъ жизни со дня своего рожденія. Начало сознанья въ бесполезности прежняго направленія, въ потребности обновленія, едва-ли не принадлежитъ *нашей* Академіи, ибо она уже бросаетъ свой педантическій взглядъ; ея желѣзная, скованная исторіей запада, форма — треснула; она отказывается — самоувѣренно отливать молодежь въ приготовленную форму; она не хочетъ болѣе посягать на уничтоженіе личностей, и ежели предоставитъ вполнѣ свободное развитіе художникамъ, служа для нихъ только опорой и помощью, то совершитъ подвигъ, окажетъ дѣйствительную заслугу.

Разрывъ теперешней академіи съ прежнимъ направленіемъ есть ея перерожденіе, — лишь бы она, сдѣлавъ шагъ впередъ, не остановилась и вновь не стала вѣрить въ свою непогрѣшимость и въ свое совершенство,

какъ вѣрила до послѣдняго времени. Слѣдствіе прежняго застоя и самоу-
вѣренности мы видимъ въ грустномъ результатѣ, въ полномъ къ ней равно-
душіи и даже насмѣшкахъ надъ нею. Безполезность и вредъ подобнаго
существованія очевидны. Чтѣ произвела Академія, кромѣ несчастнаго
однообразія? Гдѣ тѣ люди, о которыхъ она говорила перѣдко съ такими
рукоплесканіями, — на которыхъ возлагала столько надеждъ?! Имена
ихъ забыты; они гибли, уносимые потокомъ жизни. Ихъ программы, какъ
могильныя доски, говорятъ только о быломъ существованіи. Обновлен-
ная Академія, безъ сомнѣнія, не успокоится на томъ, что измѣнила ус-
тавъ. Этого недостаточно! Создавайте вновь, имѣя въ виду одну цѣль
— развитіе художества, и ничего другаго. Не стѣсняйте себя никакими
узкими рамами, никакими ложно-понятыми патріотическими чувствами....

Нѣкоторые спрашиваютъ, не помѣшаетъ ли *жизненное* направленіе
искусства совершенству *рисунка*, знанію анатоміи? Не поглотитъ ли раз-
витіе духа — формы? — Нѣтъ. Чѣмъ могуче духъ, тѣмъ совершеннѣйшей
онъ требуетъ формы. Потребность развитой и осмысленной формы за-
ставитъ художника усилить занятія; онъ непремѣнно станетъ писать и
рисовать съ натуры, а это дастъ ему знаніе, слѣдовательно и *умнѣе* —
ясно, скоро и вѣрно высказывать свою мысль. Пусть только этюды бу-
дутъ для него не цѣлью занятій, а средствомъ къ выраженію мысли и
чувства. Это азбука для художественнаго творчества. Чѣмъ болѣе худо-
жникъ будетъ работать изъ жизни, тѣмъ болѣе онъ пойметъ необходимость
этого ученія, тѣмъ сильнѣе и разумнѣе станетъ изучать природу, и уже
не слѣпо, не только вѣря на-слово, но чувствуя полную необходимость этого
знанія; онъ будетъ вести черту, класть краску, изучать свѣтъ, сочинять, да-
вая себѣ полный, сознательный отчетъ. Тогда онъ убѣдится, что въ худо-
жествѣ важно не «что», а «какъ»: въ этомъ и сила художественнаго про-
изведенія. Конечно, соединеніе того и другаго лучше, но это уже вѣнецъ
художества. Возьмите мысль какую угодно, — но если вы не сумѣете
ее выразить, не находите соотвѣтственныхъ ей словъ — никто васъ слу-
шать не станетъ. Мало ли у кого въ сердцѣ есть и разсказъ, и мотивъ,
и картина? Но воплотить ихъ можетъ только художникъ. Художникъ не
только чувствуетъ, но и *передаетъ* чувствуемое, не только видитъ, но
и *открываетъ* другимъ свой міръ, и открываетъ увлекательно.

Образованіе, разумъ и дарованіе художника ставятъ его произведеніе
на ту, или другую ступень. Не то хорошо, что нравится большинству
(хотя это и не порицанье); не то хорошо, на что «академія» нало-
жила свой патентъ; — но то, что зародившись чисто, наивно, пройдя

сквозь судъ всѣхъ слоевъ общества, черезъ взгляды самыя разнородныя, и разобранное съ любовью и знаніемъ дѣла, выйдетъ съ побѣдою. Только такимъ путемъ предметъ получаетъ возможно-вѣрную оцѣнку.

Мы прислушивались къ разнымъ толкамъ, къ разнымъ критическимъ разборамъ о выставкѣ, и наконецъ высказываемъ свое собственное мнѣніе, наше окончательное убѣжденіе. Подробный разборъ художественной выставки сдѣлалъ бы статью нашу слишкомъ обширною для южно-русскаго вѣстника, а потому ограничимся только тѣми произведеніями, которыя коснулись жизни Украинской.

Картину г. Гагена — «*Ярмарка въ Малороссіи*» мы цѣнимъ за то, что въ ней *наружный видъ* народа переданъ вѣрно; но картина крайне слаба живописью и рисункомъ.

Желательно, чтобы художники опредѣляли предметъ своей картины, заимствованной изъ жизни, не только *названіемъ* предмета, но и обозначеніемъ, со всею подробностью, *мѣста* дѣйствія: губерніи, уѣзда, мѣстечка, села или хутора. Это принесетъ пользу намъ и потомству, а самого художника заставитъ внимательнѣе изучать и работать, и не дозволитъ ему безразлично мѣшать разные оттѣнки въ мѣстной жизни, фізіономіи и характерѣ людей и природы. Отъ этого характерная сторона картины будетъ сильнѣе. Подобное требованіе не стѣснитъ художника, но покажетъ степень его изученія. — Одежда, манера, утварь, все сложилось историческимъ путемъ, все это есть необходимое проявленіе жизни. Кто понимаетъ край, народъ, тотъ дорожитъ каждой чертой его, составляющей характеристическую его особенность. Изображая мѣстную сцену, художникъ изображаетъ намъ мѣстный *портретъ*, а достоинство портрета состоитъ въ психологическомъ пониманіи изображаемаго лица, въ нераздѣльности наружнаго вида съ внутреннимъ содержаніемъ.

Г. Пржецлавскій изобразилъ намъ «*Лирника, играющаго въ хатѣ*». Сцена эта вся *составная*. Кажется, что художникъ никогда не былъ на Украинѣ, потому что въ картинѣ его — отсутствіе правды и наблюденія. Предметъ его картины или вычитанъ, или выслушанъ. Картина только тогда хороша, когда она плодъ дѣльнаго изученія, любви, полного душевнаго восторга, а не намекъ на *что-то*, самому намекающему неизвѣстное и непонятное. Эту картину, какъ и всѣ ей подобныя произведенія, мы считаемъ *вредною*, — потому что она портитъ вкусъ публики и даетъ ей ложное понятіе о предметѣ, — и лишенною значенія, потому что въ ней нѣтъ сознанья художника.

Г. Трутовскій написалъ *«Свадьбу»*. Это кажется лучшее его произведеніе. Карриатура, къ которой, по замѣчанію многихъ, такъ склоненъ г. Трутовскій, здѣсь чище, — сюжетъ сглаживаетъ ее.

Мы любимъ народъ и высоко цѣнимъ его за все, что онъ вытерпѣлъ и что сохранилъ въ себѣ и въ жизни; поэтому легкая карриатура на народъ намъ кажется неумѣстною. Не имѣя права требовать отъ художника то или другое, и давая значеніе всякому убѣжденію, лишь-бы оно было искренно и основано на дѣйствительномъ наблюденіи, — мы не можемъ любить, а тѣмъ болѣе уважать поверхностный взглядъ, легкомысленный отзывъ. Намъ бы хотѣлось видѣть и карриатуру, но карриатуру осмѣивающую желчно, горячо, или же наивно и добродушно, — *осмѣивающую*, а не унижающую, уродующую. Полюбивъ народъ, поймите, что въ немъ достойно насмѣшки, и тогда смѣйтесь искренно, и душой и рукой. Такая насмѣшка — не шутка, и даетъ художнику почетное мѣсто въ развитіи народной жизни. *Смѣхъ* отъ всего сердца — художественъ; *смѣхъ легкомысленный* — непріятенъ. Смѣйтесь не тогда, когда вы едва вспомнили, едва поняли сцену, а когда она вырываетъ смѣхъ; тогда, конечно, и сцена вами сознана глубоко. Жизнь человека такъ многострадальна, что въ минуты его упадка легкій смѣхъ оскорбителенъ. Произведенія г. Трутовскаго мы считаемъ слишкомъ бѣдными по внутреннему содержанію. Кто наблюдалъ жизнь народа глубоко, кто свое сердце положилъ въ его жизнь, тотъ дѣтски и слегка надъ нимъ смѣяться не будетъ, какъ въ картинѣ г. Трутовскаго — *«Салазки»*. —

Бываетъ смѣхъ, которому нельзя не сочувствовать; — онъ происходитъ отъ чрезмѣрной любви къ народу, отъ негодованія къ упадку, и тогда онъ раздражается сарказмами; это смѣхъ съ горя, съ болью въ сердцѣ. Такъ иногда народъ самъ смѣется надъ собой и тогда смѣхъ раздражаетъ душу, тогда смѣхъ обращается въ драму, а не похожъ на забавныя китайскія тѣни, смѣшныя только по уродливости — и то лишь для дѣтей. — Не надо много дарованія, не надо много изученія, чтобъ дѣлать *«около того»*, и едва затрогивать. Сотни людей могутъ сдѣлать *«около того»*, но только одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ *то*. Заслуга дарованія пріобрѣтается изученіемъ, глубокимъ, непредѣльнымъ изученіемъ; все легкое и *«около того»* забывается. Такая участь постигнетъ и работы г. Трутовскаго. Его *«салазки»*, *«чумаки»*, *«лірники»*, *«бандуристы»*, все эти картины и рисунки, которыхъ онъ надѣлалъ пудами, все останется скоро позади и забудется. Карандашъ его боекъ, но эта бойкость, эти штрихи и пятна — безъ содержанія, а часто и безъ основанія. Это непріятная болтовня, фразы,

которыя отжили свой вѣкъ и уже вмѣняются художнику въ порокъ. Будьте скупы на черту, но пусть она трогаетъ за живое. Цѣнятся не количество труда, не скорость работы и не намеки на поэзію, какъ у г. Трутовскаго въ *»Ночномъ свиданіи чумака«*, — а самое дѣло, самая поэзія, полная и безграничная. Въ этомъ рисункѣ — церковь — мало видна, малозначуща, мало-интересна; *хлопчикъ* — не малороссъ. Въ *ночномъ свиданіи* — мало разговора; это — воспоминанье, едва коснувшееся души, и уже исчезнувшее. *Голова чумака* хороша, но все таки не доведена до конца; *волы* — не интересны, лишены характера, — роль ихъ не прочувствована; *обозъ* — безъ малѣйшей поэзіи и искусства, а все вмѣстѣ — легкій, талантливый, вѣтренный рисунокъ. Гдѣ-жъ эти могучія чумацкія *важки*, гдѣ эти безпредѣльные, какъ степь, пѣсни?... Все утеряно! А что это за мальчикъ въ краивѣ? что за баклага, ярмо, пуга? — Все затронуто, но занимательность всего утеряна... Пожалуй, вы скажете, что это виньетка, — пусть такъ; но развѣ это дастъ право играть талантомъ, шутить съ обществомъ, вмѣсто серьезной бееды, и безъ уваженія обращаться съ народомъ? Вспомните виньетки *Прюдона* (Prudhon), за которыя его такъ уважаютъ и которыми теперь, послѣ многихъ лѣтъ его смерти, такъ дорожатъ, что собираютъ ихъ въ музеи. Вспомните всегда добросовѣстный трудъ *А. Аина*, хотя бы то была виньетка, вѣничикъ на мертвеца, или ярлыкъ на штофъ. Крайность заставляла того и другаго приниматься за подобныя работы, но нищета не заѣла ихъ любви къ искусству и уваженія къ себѣ. Что заставило г. Трутовскаго сдѣлать эту виньетку? Кто? Не самъ ли онъ ее выбралъ? Когда идея коснется души, нечего торопиться высказывать ее, но прежде всего должно полюбить ее, прослѣдить до основанія, и тогда, одушевленная нашей собственной жизнью, осмысленная разумнымъ разборомъ, она явится передъ нами здоровая и прекрасная....

Въ *»Художественномъ Листкѣ«*, есть еще два рисунка г. Трутовскаго: *»лирникъ«* и *»бандуристъ«*. Эти рисунки сдѣланы единственно для того, чтобъ показать различіе между лирой и бандурой. Художникъ сдѣлалъ бы лучше, нарисовавъ только лиру, безъ никого, и бандуру одну, безъ никого. Тутъ фигуры приклеены. Такъ ученики этюдныхъ классовъ, нарисавъ съ натуры женщину, придѣлываютъ ей змія, и выходитъ Клеопатра; придѣлываютъ къ лежащему натурщику мечъ — выходитъ умирающій гладіаторъ; набросаютъ стрѣль — и вотъ св. Севастьянъ; паднутъ терновый вѣнокъ на натурщика, растопырятъ ему руки, — и готово распятіе! Такъ и у г. Трутовскаго, котораго мы обвиняемъ еще разъ:

въ легкомъ обращеніи съ художествомъ, въ неуваженіи къ нему, къ сюжету, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ берется изображать, наконецъ — къ самому себѣ. Указываемъ, для примѣра, на покойнаго *И. А. Федотова*. Онъ дѣлалъ рисунки только чертой, безъ тѣней; не увлекался штрихами и сочными пятнами, а старался въ чертѣ добиться психологическаго смысла. Онъ дѣлалъ фигуру 10 и 20 разъ, и его черта становилась все болѣе и болѣе умна, болѣе сознательна. Такъ онъ продолжалъ до полного, отчетливаго обладанія избранной имъ личностью, ворочалъ ее съ любовью во всѣ стороны, мѣнялъ ея движенія и выраженія, и постоянно сохранялъ тотъ же характеръ. Стихи его были продолженіемъ того-же рисунка. Вотъ-гдѣ сила и достоинство Федотова! Своими тремя-четырьмя картинами онъ основалъ школу, положилъ новый камень въ зданіи русскаго художества, и сдѣлалъ все это не владея чарами красокъ. Краски его неприятны, но несмотря на это, сила черты его и глубоко понятый смыслъ предмета влекли къ нему толпы зрителей. Сила — въ любви, въ изученіи, въ сознательной работѣ, а не въ легкихъ наброскахъ, хотя-бъ это были вазы. Произведенія Марка Вовчка, Шевченка, сильны не объемомъ, а глубиною. Это — жизнь, страданія народа, вылившіяся ихъ устами; тамъ, что ни стихъ, что ни слово, то любовь, плодъ изученья и глубокаго искренняго сочувствія. Вы дѣлаете рисунки и картины изъ народной жизни, — начните-же съ живой любви къ народу, да не словами, а всѣмъ, что въ васъ живетъ; плачьте, смѣйтесь, смѣйтесь надъ его судьбой, какъ Федотовъ смѣялся надъ своей; но чтобы такъ живо любить народъ, — надо его изучать, узнавать; — тогда только произведенія ваши будутъ вѣрны и прекрасны.

Я не скажу, какъ нѣкоторые, что у г. Трутовскаго есть склонность видѣть все каррикатурно. Вѣрнѣе, что у него работаетъ — одна рука; самъ же онъ еще не понималъ себя, еще не рылся въ себѣ и не прислушивался къ внутреннему своему голосу. Вотъ то грустное заключеніе, къ которому мы невольно приходимъ, всматриваясь въ его произведенія.

Я спрашиваю себя — правъ ли я, разразившись надъ художникомъ такою скорбью?.. Но говоря о его работахъ, я вспомнилъ все имъ рисованное прежде, и считаю себя по совѣсти правымъ.

Перейдемъ къ картинамъ *И. И. Соколова*. Въ нихъ мы видимъ добросовѣстный трудъ, поэзію и изученіе. Къ сожалѣнію, мы многого изъ прежнихъ работъ г. Соколова не видали, и потому ограничимся сужденіемъ только о тѣхъ, которыя намъ извѣстны.

Въ картинахъ И. И. Соколова, одежда всегда вѣрна; типы часто правдивы не только наружно, но и внутренно. Видно, что художникъ съ любовью вникалъ въ жизнь народа, желая овладѣть ею. Прежнія его рисунки и картины бывали довольно безхарактерны, — хотя всегда въ нихъ явно было желаніе вникнуть въ характеръ; — нынѣшнія же его произведенія имѣютъ не только отпечатокъ правды, но и глубокой смыслъ и чувство. Прежде жизнь народа въ представленіяхъ художника бродила безотчетно; онъ какъ-будто не могъ свести концовъ, добиться ея смысла, понималъ ее не глубоко. Но вотъ она складывается въ цѣлое и определенное, — и является уже созданіемъ художественнымъ.

Лучшимъ произведеніемъ г. Соколова на нынѣшней выставкѣ были *»Проводы рекрутовъ«*. Душевно радуемся этому произведенію, которое ставитъ художника на значительное мѣсто. Мысль родилась у художника съ чувствомъ. Самое явленіе такъ сильно потрясло его душу, что грусть и скорбь перешли на полотно, сохранивъ свою силу на столько, что проникаютъ и въ наше сердце.

Разберемъ это прекрасное и отрадное произведеніе, полное чувства и достоинства, идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ художникомъ, и отдавая себѣ полный отчетъ въ ощущеніяхъ. Начавъ съ похвалы, сойдемъ и на недостатки.

Въ этой картинѣ все — отъ *пѣги*, рогожи, кожуха и шапокъ, до положеній, лошадокъ и хатъ, — все проникнуто впечатлѣніемъ художника, любовью и мѣстной вѣрностью. Вотъ причина, отчего картина нравится каждому. Но вполне ли удовлетворяетъ насъ эта картина? Какъ этнографическая вѣрность — да; какъ чувство и смыслъ — да; но какъ разрѣшеніе задачи, какъ живопись — нѣтъ. Мы находимъ, что художникъ увлекся *каждой* фигурой, *каждою* личностью *отдѣльно*, и тѣмъ ослабилъ силу общаго впечатлѣнія. Эту же самую мысль, съ тѣмъ же самымъ пейзажемъ, съ тѣми же личностями, можно было высказать еще сильнѣе, добиться впечатлѣнія болѣе полнаго. — Что касается красокъ, то онѣ насъ вовсе не чаруютъ и не заставляютъ углубляться въ предметъ. Матель слабо передана, снѣгъ не интересенъ: — они едва напоминаютъ природу, — въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Въ картинѣ могло бы быть больше единства, сосредоточенности; въ ней нѣтъ фокуса, она разорвана, и оттого часть впечатлѣнія потеряна. Въ чемъ же состоитъ ея разорванность? Сани ѣдутъ отъ зрителей въ глубь картины, а женскія фигуры идутъ вдоль рамы. Эти двѣ линіи разрываютъ вниманіе, разъединяютъ его, а не сводятъ его въ

одинъ центръ. Еслибы женскія фигуры шли отъ зрителя туда же, въ глубь, за саними, и менѣе рисовались передъ глазами, — картина выиграла бы очень много. Видно, что художнику жаль было скрыть то, что онъ прослѣдилъ съ такою любовью, — и тутъ-то заговорилъ уже не самый предметъ, а я, т. е. личность художника. Нѣкоторые объясняютъ себѣ это разъединеніе линій холмомъ, поворотомъ; но художникъ — хозяинъ картины, и можетъ сочинить какъ ему угодно: — уничтожить холмъ, когда онъ лишній, и поставить — если онъ нуженъ. *Бабуса* мать, въ этой картинѣ, нравится намъ чрезвычайно. Она подмѣчена тонко, вѣрно, съ большимъ чувствомъ. Художникъ увлекся ея значеніемъ и выразилъ его прекрасно, но этимъ опять отвлекъ вниманіе отъ центра дѣйствія. Словомъ, выраженіе этой старушки спорить съ выраженіемъ одного изъ рекрутъ. Сотскій, удаляющійся *въ тонахъ* ногами, близокъ кафтаномъ, и тѣмъ мѣшаетъ глазу. Притомъ и онъ идетъ — какъ и двѣ женщины — въ профиль. *Поюничъ* лѣпится тонами къ рекруту. Лошади удалены недостаточно, тогда-какъ мятель должна бы еще болѣе смягчить и удалить ихъ.

Что касается до выражений, то лучшее у *паробка*, подпершаго рукою голову; оно глубоко, трогательно, вѣрно и поэтично. Но... мнѣ кажется — оно могло бы быть еще сильнѣе и ужаснѣе. Другой, глядяшій на *молодицу*, и сама молодица насъ не удовлетворяютъ. Задуманы оба хорошо, но оба выполнены нѣсколько *примасно*, и это — отъ слабости рисунка и грубости красокъ. Выраженіе молодиці намъ кажется слабѣйшимъ мѣстомъ въ картинѣ.

Попробуемъ теперь устранить женскія фигуры; пусть ихъ провожанье кончилось. Начинающаяся мятель заноситъ путниковъ; они смѣтутъ вдаль, оторванные отъ всего роднаго. Вожатый идетъ за саними, пожалуй... И вотъ — новая картина, еще безотраднѣе, еще суровѣе. Тутъ негдѣ отдохнуть: ни плачущей матери, ни молодиці!...

Попробуемъ посадить въ сани и мать и молодицу съ ребенкомъ. Неужели онѣ будутъ все идти, идти въ даль и даль, — пока могутъ?!. Или онѣ отстанутъ, проводя еще не много?.. Едва ли! — Будетъ ли молодица также заливаться слезами уже въ степи, на морозѣ, въ мятель, въ снѣгу и сугробахъ? Не замретъ ли ея отчаянье, не окоченѣетъ ли лицо и не отупѣетъ ли чувство?.. И, навѣрное, она не оставитъ ребенка открытымъ. Она голоситъ, плачетъ, убивается, держитъ дитя на одной рукѣ, а все другою закрываетъ, — сердце ея чувствуетъ!.. не сядетъ ли

она къ милому?... И вотъ опять новая картина!... Пошли между ними разговоры, тоже съ плачемъ, тоже съ рыданіемъ...

Всѣ эти раздумья показываютъ занимательность, жизненность и достоинство картины; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это сомнѣніе и желанье еще чего-то доказываютъ — сомнѣніе самого автора, не совершенно ясное сознанье его. Неудовлетворенное желанье доказываетъ, что художникъ самъ не дошелъ до конца, до предѣла своей мысли; что въ немъ самомъ было колебаніе; съ колебаньемъ онъ писалъ, — колебанье передалось и намъ. Предположеніе и догадки суть слѣдствіе неувѣренности самого художника, разорванности чувства, — тогда какъ картина есть *одинъ* моментъ, полный и цѣльный.

За всѣми этими недостатками, повторимъ опять, картина полна достоинствъ. Своею *добротою*, любовью и грустью она влечетъ къ себѣ. Намъ остается одно: пожелать художнику, чтобъ онъ шелъ впередъ, разрабатывалъ себя, какъ началъ — не увлекаясь ни похвалами публики, ни похвалами академіи. Пусть *сознанная* цѣль будетъ для него всего дороже; пусть похвалы не усыпляютъ его, а года придадутъ ему только опытности; пусть самъ онъ бичуетъ себя, отдавая себя на немилосердную критику, уходя изъ кружка своихъ поклонниковъ, которые покроютъ его какъ тиной. Смотрите на все съ полнымъ разборомъ и смиреніемъ учащагося, а не съ нахальствомъ профессора, *тыкающаго пальцемъ въ картину, или чертящаго ногтемъ по рисунку*.

Неминуемо время, когда мы, усталые въ борьбѣ, дѣлаемся менѣе воспріимчивы, болѣе упорны, и день ото дня — деревянѣемъ. Время это приходитъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ человѣкъ самодовольнѣе, чѣмъ не осмотрительнѣе идетъ, и чѣмъ болѣе поддается похвалѣ. Не засыпайте, шевелите и тревожьте себя; живите, боритесь, ѣздите за границу, не застывайте себя горизонта русской ширмой; ищите оцѣнки не только тутъ, въ этой горсти, гдѣ такъ легко стать идоломъ, — но добивайтесь разбора и суда надъ собой вездѣ, во всемъ просторномъ и разнородномъ художественномъ мірѣ. Сближайтесь съ художниками иностранными: они разовьютъ ваши собственныя убѣжденія и приведутъ васъ — къ постоянно новому результату; изучайте ихъ произведенія, какъ можно болѣе, Сближайтесь еще болѣе съ народомъ, и вы убѣдитесь въ той истинѣ, что *ничего еще не знаете*; но въ этомъ-то грустномъ убѣжденіи и будетъ вѣрное ручательство силы вашего художественнаго ума и развитія. Тогда вы снова начнете трудиться, все-болѣе и болѣе углубляясь въ это море мысли и истинной поэзіи.

Безъ изученія, не только Пржецлавскій не произведетъ ничего, но и К. Брюлловъ надломится, неудовлетворивъ самого себя. Внимательное изученіе предмета, умъ и добросовѣтность привели К. Брюллова къ смертному приговору надъ самимъ-собою, къ сознанью своей слабости, безхарактерности фигуръ въ его картинѣ «Осада Пскова», и недостатка въ нихъ народнаго типа. Хотя Брюлловъ увлекался иногда идеей этой картины, хотя схватилъ въ ней сущность дѣла, — общій духъ религіознаго увлеченія того времени, — но далѣе не пошелъ, и картина осталась не конченною ⁽¹⁾. Картины изъ жизни Римлянъ и Грековъ, — сюжеты изъ исторіи Ассиріи, изъ мифологіи и библіи, — выполнять гораздо легче. Множество матеріаловъ разработано, а жизнь эта такъ далека отъ насъ, что провѣрить ее невозможно. Чтò ни напиши — все сойдетъ съ рукъ, все будетъ «около того».

Всѣ другія произведенія И. И. Соколова далеко отстали отъ разобраннаго выше. Мы помнимъ его праздникъ *Ивана-Купала* ⁽²⁾, который показался намъ сценой нелишенной интереса, но какимъ-то сводомъ всѣхъ впечатлѣній, испытанныхъ во время первой поѣздки художника по краю. *Гаданіе вѣнками* задумано поэтично, двѣ изъ женскихъ фигуръ очень милы и интересны, но эта Малороссія пахнетъ Италіей. Лежащая въ лодкѣ фигура намъ кажется невозможною. Небо очень глухо, безъ эфира и поэзіи, безъ глубины, и ежели бы бѣлое пятно, вмѣсто луны, уничтожить, — картина много бы выиграла. *Пасіишникъ* ⁽³⁾, а еще болѣе *Мать, улыбающаяся ребенка* ⁽⁴⁾, лишены національнаго характера. *Хата съ дворикомъ* ⁽⁵⁾ была бы прелестна, если бы живопись имѣла болѣе таинственности и не была бы такъ красна, и если бы воздухъ не былъ такъ безвоздушенъ и непривлекателенъ.

Вотъ все, чтò мы знаемъ изъ работъ И. И. Соколова, касающагося южнорусской жизни.

Русское искусство начинаетъ теперь свое болѣе быстрое развитіе. Потеря Брюллова приноситъ уже большію пользу. Нѣтъ болѣе диктатора, нѣтъ могучаго предводителя, который давилъ своею силой и способ-

⁽¹⁾ Эта картина Брюллова, жизнь и конецъ Иванова и Гоголя, представляютъ борьбу двухъ началъ, весьма любопытную въ психическомъ отношеніи. Твореніе Гоголя сожжено, картина Иванова и Брюллова не кончены, — а какая разница въ личностяхъ!

⁽²⁾ У К. Т. Солдатенкова. ⁽³⁾ У О. И. Прянишникова.

⁽⁴⁾ На постоянной выставкѣ.

⁽⁵⁾ Въ Обществѣ Поощренія Художниковъ.

ностью неопытную, недоразвившуюся, робкую молодежь и осмѣивалъ ее своимъ острымъ словомъ. — Старая школа рушится; молодежь идетъ на новую дорогу, и это движеніе есть успѣхъ. Отсутствие диктатуры и колебленный авторитетъ старой академіи ручаются за разнообразіе взглядовъ, за сформированіе самобытностей. Теперь художники ѣздятъ не только въ Италію, гдѣ остаются десятками лѣтъ, но живутъ и въ Мюнхенѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Ихъ отсталыя условныя понятія терпятъ насмѣшки; строгія критики переворачиваютъ ихъ систему и приводятъ не только къ новымъ, но часто и къ совершенно-противнымъ убѣжденіямъ. Уже они перестаютъ бранить съ размаха все иноземное искусство; уже подобныя выраженія, какъ *»нѣмецчина«*, *»французятина«*, не повторяются безмысленно устами художниковъ, ищущихъ истины. Подобныя выраженія уже не смѣшны, а пошлы и жалки, роняя не націю, а тѣхъ, кто ихъ произноситъ.

Всякое убѣжденіе и всякое направленіе особой личности — не только націи — достойно изученія... а едва зарождающееся русское художество уже бранить результаты вѣковыхъ усилій, — вѣковое развитіе Запада?! Многимъ, вѣроятно, случалось слышать у насъ самыя строгія сужденія объ иноземныхъ художникахъ, на томъ основаніи, что «у насъ есть все лучшее», что «все лучшее привозится къ намъ.» Но по какому же праву тотъ, кто не видѣлъ ничего другаго, можетъ назвать это лучшимъ? Основываясь на мнѣніи своихъ старшихъ братій? Но имѣютъ ли эти старшіе свое мнѣніе, пріобрѣтенное изученіемъ? Нѣтъ, мнѣнія ихъ также основаны на словахъ другихъ старшихъ, на журналахъ, фельетонахъ, словомъ — на молвѣ и успѣхѣ. Но кто же не знаетъ, что успѣхъ и молва очень часто бываютъ дѣломъ коммерческимъ? что за 200 франковъ любое имя прогремить разомъ въ девяти журналахъ Европы? И какую цѣну можетъ имѣть молва передъ собственнымъ убѣжденіемъ? Не ужели и въ этомъ случаѣ надо сказать по привычкѣ: «слушаю-съ?» А такимъ-то именно образомъ создались у насъ многія репутаціи и даже — *убѣжденія*. Но какія же могутъ быть убѣжденія тамъ, гдѣ нѣтъ критики и нѣтъ терпимости къ возраженіямъ? Мы только словами спрашиваемъ чужое мнѣніе, но на дѣлѣ желаемъ лишь похвалы себѣ. Мы способны слушать не критику, а докладъ; намъ пріятенъ фиміамъ, и за нимъ мы не видимъ свѣта. — Три вѣка тому назадъ создались академическія понятія; съ того времени образованіе ушло далеко и несется на парахъ еще далѣе, и чѣмъ далѣе уйдетъ образованіе, тѣмъ многостороннѣе будутъ требованія художества. Какъ же люди, не слѣдящіе за ходомъ

развитія науки и человѣка, могутъ однимъ повтореніемъ прошлаго удовлетворить жизни! Когда Европа идетъ впередъ едва ли не съ каждымъ ударомъ маятника, когда время сбрасываетъ съ пьедестала временныхъ кумировъ, мы еще кланяемся имъ; мы одни остаемся старообрядцами. Что было лучше вчера, то можетъ быть не лучшимъ сегодня. Сравнимъ понятія вѣковъ: какъ мѣнялись они одно за другимъ, какъ сходили со сцены божество за божествомъ, увлеченье за увлеченьемъ, мода за модой; какъ удалялись одинъ за другимъ законодатели искусства, оставляя за собою сказанное слово, сказанную рѣчь, а понятія складывались все шире, все просторнѣй и разнообразнѣй! Каждая изъ личностей служила однимъ колесомъ въ общей машинѣ. Одна за другой поднимались волны, одна за другой разбивались о несокрушимое время, и умолкали въ безднѣ этого моря; но ничто не тревожило и не разбудило этихъ людей: бури въ искусствѣ чужды имъ, стоятъ они далеко на покойной сушѣ и жизнь съ борьбой имъ не доступна! Художественный міръ ихъ ограничивается самымъ малымъ числомъ артистовъ. Такъ, мы до сихъ поръ не бракуемъ *Давида*, рисуемъ съ женоподобнаго *Кановы*, удивляемся мелкому *Мену*, вѣримъ въ возможность неліцемернаго существованія *пуризма*, смотримъ сквозь тусклые очки на *Каульбаха* и оттого не понимаемъ его; требуемъ отъ другихъ того, чему насъ учили, и не хотимъ брать то, что намъ даютъ; считаемъ *Гораса Верне* живописцемъ, благоговѣемъ передъ *Деларошемъ*, и т. д. Еще два-три художника, и вотъ весь нашъ міръ, всѣ наши свѣдѣнія. Мы сами себя отгораживаемъ китайскою стѣной, и чужой міръ для насъ потѣмки, а совершенство и самостоятельность невозможны. Какъ оскорбятъ, напр., многіе, если сказать, что вѣнецъ нашего художественнаго міра — Деларошъ, нравится намъ потому только, что онъ ближе къ нашимъ понятіямъ, а наконецъ и потому, что большинство изъ насъ его не знаетъ. По личному нашему убѣжденію, Деларошъ есть продолженіе академизма; онъ нѣсколько видѣлъ недостатокъ академіи, желалъ оторваться отъ нея и — не могъ; силы его были слабы; — природа не дала ему творчества. Вспомнимъ, напр., *Иоанну Грей*, съ ея чистенькими, заостренными и врозь разставленными пальчиками, съ чистенькой разоетланной соломой и опущенными у всѣхъ глазами; вспомнимъ его *Лорда Страдфорта*, гдѣ такъ манерно вытянуты и такъ эффектно придуманы благословляющія изъ-за рѣшетки руки; вспомнимъ театральныхъ *Жирондистовъ*, *Снятіе со креста*, *Кромвеля*, *Моленіе о чашѣ*, *Карла*, *Марію Антоанету* и проч. и проч. изъ его произведеній.... Гдѣ въ нихъ правда, простота, сила,

наивность, поэтическое увлеченіе? Далеко ль онъ отошелъ отъ академизма и сцены? Все у него взвѣшено по-аптекареки. Деларошъ былъ актеръ и чрезвычайно хорошо понималъ условія сцены; онъ былъ окруженъ клкерами, за которыми велѣдъ и мы хлопали. Мы лично всегда будемъ изучать Делароша, уважаемъ и будемъ уважать его всегда за упорное домогательство добиться истины; онъ будетъ намъ служить примѣромъ глубокаго анализа и труда; но любить его мы не можемъ, — и плакать, когда хочется смѣяться, не можемъ. Честолюбіе разжигало его къ труду, онъ напрягалъ, натягивалъ всѣ свои силы, но не зналъ вдохновенія ⁽¹⁾.

У насъ искусство едва прививается къ жизни; едва начинается связь и дружба между народомъ и художниками, едва завязывается узелъ; а тамъ, на Западѣ, они почти слились уже въ одно тѣло; тамъ искусство перекипѣло, перебродило, пережило всѣ доселѣ извѣстныя направленія, всѣ школы и взгляды и дошло до сознательнаго существованія, до постоянного, каждодневнаго новаго интереса и новаго движенія впередъ. Тамъ все затронуто и все разрабатывается; — у насъ искусство бредетъ, едва сознавая себя, едва вѣря въ необходимость своего существованія, и живетъ подавнѣмъ и милостыней.... А между тѣмъ, отупѣвши въ своей замкнутости, оно дошло до того, что провозглашаетъ себя *первенцемъ*, солнцемъ этого міра, закономъ, въ силу котораго все должно двигаться и передъ приговоромъ котораго все должно преклоняться!...

Искусство идетъ съ исторіей народнаго развитія и образованія. Читается своимъ знаніемъ одно невѣдѣніе. Гдѣ народъ безграмотенъ, гдѣ еще такъ свѣжъ въ памяти споръ о пользѣ грамоты, — тамъ искусство стоять въ уровень съ Европой не можетъ. Оно не можетъ быть развито, когда еще не развитъ народъ. Таланты отдѣльно появляться могутъ, но они гибнутъ на этой почвѣ, и существованіе ихъ возможно только до извѣстнаго градуса, далѣе котораго они не поднимаются; ледяная атмосфера ихъ замораживаетъ, свинцовый небосклонъ ихъ душитъ.

Академисты наши обыкновенно восхваляютъ русское искусство за рисунокъ. Но вѣдъ дѣло въ томъ, что называть *рисункомъ*? Если рисунокъ есть званіе *пропорцій*, какъ учатъ академисты, и притомъ пропорцій *условныхъ*, которыя принимались академіями за аксіому, — то въ чемъ-же тутъ достоинство? И Египтяне также, съ помощью циркуля, высѣкали статуи и сфинксовъ; — это ариметика, которой можетъ

(1) Лучшими произведеніями его мы считаемъ: академическій фрескъ, эскизъ котораго еще лучше фреска, и эскизы изъ послѣднихъ дней жизни Христа.

выучиться всякій; это правила для орнаментщика, для неуча, чтобы удержать его отъ большаго безобразія, — костыли для безногаго! Знаніе этихъ условныхъ правилъ не даетъ права называться рисовальщикомъ, и подобныя понятія доказываютъ совершенное непониманье рисунка. *Рисунокъ* — это тонкое поэтическое чувство и смыслъ черты; это чувство формы, жизнь въ чертѣ, — чему, конечно, ни одна въ свѣтѣ академія не выучитъ! Кто лишень этого чувства, тому госпитали не помогутъ! Какимъ невѣждой назоветъ того академія, кто скажетъ, что *уважаетъ Рембрандта* за *рисунокъ*; что Рембрандтъ рисовалъ *прекрасно*, — что надо *учиться сочиненію у него, да у Беттовена*.... Какая параллель открывается между этимъ взглядомъ и академическимъ? Чтò общаго?!

Сочиненія академическія тоже подведены подъ циркуль, доведены до архитектуры, до геометріи и математической выкладки. Апофеозъ этихъ сочиненій мы видимъ въ бездарныхъ и холодныхъ произведеніяхъ всѣхъ академистовъ; курсъ этого ученія отпечатывается почти во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Академическими условіями художникъ скованъ и не знаетъ свободнаго полета. Мы съ горестью видимъ тому доказательство въ талантахъ первой величины. Глядя на натуру, и съ натуры рисуя фигуры и группы, которыя такъ прелестно составились и имѣютъ въ себѣ столько смысла, — невольно приходишь къ полному опроверженію всѣхъ академическихъ условій. *Академистъ* — это какое-то искусственное произрастеніе, изуродованное и обезжизненное, въ сравненіи съ дѣйствительною жизнію.

Живопись академій подведена подъ тѣ же, легко удовлетворяющіяся правила, и молодому художнику, проходящему академическіе классы, приходится терпѣть такія ампутаціи, что изъ него остается едва замѣтный призракъ человѣка. Прощай молодость, прощай живые порывы ума и сердца! Юноша пересоздается въ упрямаго старика, закоснѣлаго въ понятіяхъ, нетерпящаго возраженій, восхваляющаго мѣсто, гдѣ выслужился, превозносящаго только себя и свой департаментъ, котораго членомъ онъ уже сдѣлался! Гдѣ ему уразумѣть западный міръ и ему почувствовать! Тамъ его не признають, — тамъ такая неурядица, отсутствіе дисциплины, ломка; тамъ тысячи художниковъ идутъ каждый своей дорогой, каждый съ своимъ собственнымъ взглядомъ!!... Потому-то западный міръ и представляется ему неразумною толпою; — и дѣйствительно, трудно сойтись полюсамъ... Академисты называютъ европейскихъ художниковъ шарлатанами....

К. Брюлловъ превознесъ Калама, — и всѣ сняли шапки, всѣ поклонились Каламу и чуть не молятся на него; ѣдутъ къ нему учиться и не признаютъ *никого выше Калама*. Все, что не Каламъ, то худо; и Боже избави сказать, что *Каламъ сухъ!* — За то Е. Делакроа, Густ. Дорре — даже не художники, — въ нихъ нѣтъ ничего, что мы привыкли уважать; они не выполняютъ никакихъ академическихъ требованій, для которыхъ мы пожертвовали всѣмъ, и до которыхъ дошли искалѣченные! Для насъ Тройонъ, Барри, Добиньи, Эберъ не имѣютъ никакой цѣны, — они не кончаютъ! Что же называется *окончаніемъ*?.. Сознаемся лучше, что мы просто неспособны понимать ихъ; — они *живутъ* жизнью, а мы *существуемъ* рутиной!

Несостоятельность наша въ критикѣ видна постоянно. Намъ нужны авторитеты, за которыми мы готовы говорить что угодно, не рассуждая; но самими намъ, и до сихъ поръ еще «*какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть?*!»

Явился К. Брюлловъ, и все предъ нимъ преклонилось; всѣ, казалось, *судили*, — потому что повторяли сужденія Брюллова. Умеръ К. Брюлловъ, — умерла и голова. Явился Ивановъ, и общество смутилось, не зная — что сказать. Взглядъ Иванова на художество совсѣмъ противоположенъ *нашему*, — хвалить ли, бранить ли его?... Все это происходитъ отъ незрѣлости, отъ малочисленности, отъ невѣрности во взглядѣ! Дайте картину Иванова въ Европу, — десятки тысячъ оглядятъ ее; и оглядятъ съ толкомъ, сознательно, самобытно, и скажутъ свое слово, не потому, что другіе *такъ* сказали, не ради повторенія эхомъ приговора другихъ, — а потому, что у каждаго есть свой идеалъ въ головѣ; и вотъ — картинѣ отведено въ сферѣ искусства, принадлежащее ей мѣсто, и молодежь ясно поняла современный взглядъ. У насъ же критика въ рукахъ Академіи.

Академія, давая циркульный рисунокъ, циркульную композицію, *циркулярныя* краски, не дали въ міръ художества ни рисунка, ни сочиненія, ни красокъ.

Выводъ и доказательство всего сказаннаго — на *нашей выставкѣ*. За неразвитостью рисунка, за отсутствіемъ внутренняго содержанія, за грубостью красокъ, и наконецъ — влѣдствіе условныхъ правилъ, господствующихъ въ нашемъ художествѣ, выставка скучна, утомительна; душа страдаетъ, едва отдыхая минутами; боль въ глазахъ до сверленія! Этихъ желтыхъ и красныхъ красокъ, какъ ножомъ обрѣзанныхъ безвоздушныхъ контуръ — забыть нѣтъ силъ!...

Какъ неуловимъ тонкій художественный рисунокъ, такъ неуловима и живопись. Цѣльность красокъ не есть художественная живопись; присутствіе ихъ въ картинѣ показываетъ такое же непониманіе живописи, какъ признаніе математическихъ вычисленій размѣровъ тѣла за рисунокъ. Живопись есть отсутствіе красокъ. Гдѣ видны краски, тамъ не художественная живопись; такъ росписанная картина не многимъ лучше китайскаго раскрашиванья, а часто и хуже, потому что лишена его наивности. Картина можетъ быть написана вѣрно, даже очень вѣрно, можетъ напоминать собою натуру, — но это еще не будетъ художественность. Что же такое живопись?... Объяснить это трудно, не указавъ на двѣ различнаго достоинства картины; и кто, при такомъ сравненіи, не пойметъ разрѣшенія вопроса, тому объяснить это почти невозможно. Тамъ только живопись, гдѣ художникъ употребляетъ краску, какъ средство высказать прелесть тоновъ; гдѣ онъ чаруетъ васъ и овладѣваетъ вами, такъ-что вы вполне находитесь подъ вліяніемъ гармоніи его красокъ. Тогда только художникъ постигъ живопись, когда вы заняты его работой, всматриваетесь и не налюбуетесь, и не понимаете, какъ все это сдѣлано; когда онъ своими тонами не бьетъ васъ по глазамъ, не стучитъ отрывисто и глухо какъ полѣномъ, а издаетъ звукъ музыкально, восхищаетъ васъ и улаживаетъ; когда вы видите въ краскахъ переливы тоновъ, то тихіе и пріятные, то сильныя и могучіе; когда вы сто разъ видѣли картину и вновь жаждете ея впечатлѣнія, еще разъ хотите поддаться ея обаянію, еще разъ хотите вдыхать въ себя улаженіе ея, снова пытаетесь понять умѣнье и силу художника, но увы — не можете! То не живопись, когда вы, подойдя къ картинѣ, наклоните голову на одинъ бокъ, наклоните на другой, и скажете: «посмотри-ка, вѣдь это мокро, вода!» и пойдете далѣе; а то живопись, когда вы смотрите и не насмотритесь, и чѣмъ болѣе вглядываетесь въ краски, чѣмъ глубже хотите въ нихъ проникнуть, тѣмъ безпредѣльнѣе чувствуете ихъ силу и отраду глядѣть; и цѣлый міръ, полный очарованія, представляется вамъ.... Въ какомъ нибудь камнѣ художникъ открываемъ вамъ цѣлую жизнь, для васъ до того невѣдомую.... Что вамъ натура! тамъ этого нѣтъ! И откуда взялъ онъ эту прелесть? какимъ духомъ увидѣлъ то, чего вы никогда не видали?!... Что васъ влечетъ къ такой картинѣ? Сюжетъ? Его нѣтъ.

Живопись — важнѣйшій отдѣлъ картины. Кто силенъ чертой, — тотъ можетъ выражать свою мысль рисункомъ, картономъ; кто силенъ свѣтомъ — пиши однотонныя картины; но оба эти художника еще не будутъ

живописцами. Взявъ въ руки краски, должно изливать ими свое чувство къ цвѣту, какъ чертой передають чувство формы; надо добиваться красками до волшебнаго впечатлѣнія и передать поэзію, прелесть цвѣтовъ, — а не удовлетворяться *раскраскою*, или приблизительно-вѣрными тонами. Намъ нужна не вѣрность, — да никто до нея и не дойдетъ: всякій видитъ по своему. Намъ нравятся Рафаэль и Микель-Анджело развѣ потому, что они изображали *вѣрно*? Они видѣли натуру совершенно различно; — это то въ нихъ и нравится, это-то изъ нихъ мы и изучаемъ. Дагерротипъ представляетъ предметъ гораздо *вѣрнѣе*, нежели величайшій художникъ, но мы не ставимъ его выше художника. Мы цѣнимъ *взглядъ* художника, какъ плодъ его изученія, какъ впечатлѣніе, которое онъ чувствуетъ, глядя на натуру. Зачѣмъ-же академія преслѣдуетъ развитіе личнаго направленія и подводитъ всехъ подъ форму?...

Пройдя по заламъ Академіи Художествъ, невольно удивляешься несоотвѣтственности этого зданія своему назначенію — содѣйствовать развитію искусства. Оно живо напоминаетъ то отдаленное время, когда думали о фасадахъ и не думали о внутреннемъ устройствѣ, т. е. думали о фразахъ, о внѣшности, а не о содержаніи. Во всемъ зданіи темно; во всей академіи, а слѣдовательно, и во всей русской имперіи — *нѣтъ мастерскихъ!* ⁽¹⁾ Для занятій гравера, архитектора, — свѣта достаточно; но возможно ли заниматься тамъ живописцу, у котораго вся работа, все развитіе основаны на свѣтѣ? Какой успѣхъ можетъ сдѣлать живописецъ съ этими щелями, вмѣсто оконъ? Для чего, напримѣръ, Академія развела садъ? не полезнѣе ли было улучшить залы и сдѣлать мастерскія? Въ Академіи каждый аршинъ принадлежитъ мысли, каждый аршинъ долженъ приносить пользу художественному развитію. Если въ лучшихъ климатахъ дѣлають для художническихъ работъ большія окна, то здѣсь, въ пасмурномъ и сѣромъ Питерѣ, гдѣ дни безъ свѣта цѣлыми мѣсяцами, — надо дѣлать окна вдвое, втрое болѣе. Отъ этого обезображивающаго свѣта все теряетъ свою силу, и хорошее уравнивается съ дурнымъ. На выставкѣ мы Ахенбаха не узнали. Чтобы сколько нибудь оцѣнить вещь, надо забѣгать со всехъ сторонъ, вглядываться, измучиться, и все-таки уйдете, вынеся смутное заключеніе. Какое безцеремонное обращеніе съ работой, какое равнодушіе! Публика предъявляетъ свои требованія относительно художниковъ: почему же ху-

⁽¹⁾ Виновать, они есть: три въ Академіи, три частныхъ, въ Петербургѣ и одна — подъ Черниговомъ; но что значить это число для такой огромной Имперіи?

дожники, въ свою очередь, не имѣютъ права ожидать отъ академіи способствъ къ своему развитію?

Жалкая жизнь художника здѣсь! Жизнь другихъ людей обставляется удобствами, доходящими часто до роскоши, до утомительнаго избытка, а жизнь художника — совсѣмъ другая! Не говорю о вѣчныхъ нуждахъ, о вѣчной борьбѣ съ собою; не говорю о голодающей и зябнущей семьѣ — все это художникъ переноситъ героически, но его заѣдаетъ квартира. Отсутствие свѣта его уничтожаетъ. Художникъ лишень свѣта, безъ котораго нѣтъ ему развитія, — на которомъ основано все существованіе живописи, — но этихъ требованій никто и слушать не хочетъ.... Кончается тѣмъ, что художникъ, смятый судьбой, мало по малу теряетъ потребность развитія, мирится съ своимъ положеніемъ, подавляетъ день ото дня свои порывы, и превращаетъ художество въ ремесло, для добыванія насущнаго хлѣба. Да! когда жизнь другихъ убаивается въ комфортъ и роскошь, художникъ, какъ нищій, лишень самыхъ необходимыхъ условій жизни и тупѣетъ отъ безчеловѣчнаго помѣщенья.

Прибавимъ еще, что болѣе половины выставки надо было бы выкинуть: тогда удовольствія и простора было бы болѣе, усталости менѣе, и наконецъ, было бы мѣсто устроить свидѣнія. Какая цѣль — выставлать безобразіе? Выставка есть художественная бесѣда, а часто и урокъ публикѣ: зачѣмъ же засорять и безъ того жалкую выставку? Принимать всего нельзя; это вредитъ хорошимъ произведеніямъ.

Во время послѣдней французской республики задано было на конкурсъ — изобразить республику. Участвовать могли всѣ, и къ выставкѣ набрались тысячи проектовъ. Бездарная масса своими дюжинными произведеніями поглотила, утопила въ себѣ даровитое меньшинство. Всѣ ходили смотрѣть лишь на каррикатурныя произведенія, чтобы посмѣяться; они-то и заняли все вниманіе публики. Чтѣ жъ за цѣль угощать пошлыми вывѣсками и усиленными попытками бездарности произвестъ *что-то*!?

Хотѣлось бы поговорить еще о первыхъ впечатлѣніяхъ русскихъ художниковъ за границей и о житіи ихъ тамъ; но статья наша и такъ вышла длинна, а потому поспѣшимъ кончить желаніемъ, чтобы развитіе народной живописи усилилось, но не изъ моды, а изъ дѣйствительной потребности, чтобы русскіе художники имѣли въ себѣ менѣе увѣренности и самохвальства, и чтобы дожить намъ до того, когда не мы сами, а и Европа признаетъ въ насъ новый, высказывающійся элементъ, новый залогъ для

дальнѣйшаго развитія человѣчества, и найдетъ въ насъ новую силу для общечеловѣческой жизни.

Но прежде чѣмъ окончу статью, я позволю себѣ спросить академію: гдѣ картоны, сдѣланные для Исакиевского собора?? Носятся слухи, будто картонъ А. Т. Маркова *«Встрѣча Іосифа съ Іаковомъ»* — изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ. Мы видѣли долгое время картонъ этотъ на одной изъ глухихъ академическихъ лѣстницъ. Еще разсказываютъ, будто колоссальные картоны К. Брюлова пропали какъ булавки? Мы не вѣрили, чтобъ Академія Художествъ, расадникъ и распространитель искусства, допустила это, и надѣемся, что велѣдъ за нашими строками недоразумѣнныя публики успокоятся тѣмъ, что картоны явятся, изящно оправленные подъ зеркальныя стекла, въ залахъ академіи. Можетъ ли быть наконецъ, чтобы картоны Ѳ. А. Бруни терлись, мялись и валялись въ сверткахъ? Все это, вѣроятно, клевета недоброжелателей Академіи, точно такъ же какъ и то, будто *«Осада Пскова»* валялась въ сверткѣ не одинъ годъ, и что ее не съѣли мыши — только благодаря каменнымъ поламъ академіи.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.